

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 3 • январь • 1987

— А по отчетам здесь снег давно убрали!

Рисунок В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

ПИСЬМО
ЧИТАТЕЛЯ

Главному редактору, Крокодил
от инспектора Зубачевой И. Я
414056 г. Астрахань ул. Лейтенанта Г. ул. 6
Благодарю Вас, что напечатала статью
Ирина Борина в №19 от 11-86,
«Неконтактный богатырь»
Я не могла усидеть, и прочитав эту статью
позвонила и Вам.
Сколько же сейчас добра пропадет из-за
на сбалансированности и качества
При такой...

См. стр. 6

«НИТРАТЫ»
И
«УТРАТЫ»

Новая рубрика:

Григорий КРОШИН,
специальный контролер
Крокодила

ШОК

Перед самым концом смены в цехе сборки будильников 2-го Московского часового завода объявили: завтра, прямо с начала рабочего дня, проведем пробную госприемку продукции. Ну, вроде репетиции, что ли. Как бы понарошку, не всерьез. И проводить ее будут свои же, заводские, итээрловцы отдела главного конструктора.

Наутро все итээрловцы были сняты со своих рабочих мест и брошены на рабочие места сборщиков. Задача — принять продукцию дотошно и придирчиво. Иными словами, сверить ее с документацией и ГОСТами.

Однако, когда в конце смены сообщили результат, все были потрясены: стандартам соответствует... меньше четверти всех будильников! Остальные — брак...

Весь следующий день в цехе не работали. Нет, это не было воскресенье или праздник. На работу вышли все, но работать не могли. Все валилось из рук. Полнейшая растерянность. Шок...

Что же делать дальше? А если настоящая госприемка точно так же завернет продукцию?! А как же план? Как зарплата? И премии?

На второй день хотя и работали, но все равно вполсилы. Приходили в себя от шока. Обсуждали. Спорили. Думали.

А подумать было о чем. Что же получается: еще вчера те же будильники благополучно, без задержки проходили через ОТК, план успешно выполнялся, с зарплатой был полный ажур, и с премиями порядок, и с переходящими знаменами. А завтра, значит, все рухнет?

Что и говорить, долгое время мы были убеждены: ОТК — надежный заслон плохим товарам и скверной работе.

Сейчас же, после первых шагов госприемки, обнаружилось, что, оказывается, не такой уж и заслон. Больше того, так прямо и тынет громким голосом спросить у этого самого ОТК: «Братцы, да как же вы пропускали явный брак?!»

А ведь пропускали. И пропускают. Есть такие примеры и в моем блокноте. На Московском заводе холодильников, который помимо холодильников делает еще и пластмассовые бритвенные приборы (для безопасной бритвы), мне показали партию в десять тысяч (!) забракованных госприемкой приборов. Уже принятых до этого контролерами ОТК.

Столичное объединение электромедицинских аппаратов «ЭМА» тоже чуть не отгрузило в больницы и поликлиники дефектные диагностические аппараты для обследования головного мозга. А ведь ОТК все это принял...

И вот на предприятие пришли госприемщики Госстандарта. Что тут началось! Гром среди ясного неба, да и только...

— Я был просто в шоке от первых результатов, — признался мне Г. Савосин, руководитель госприемки в объединении «ЭМА». — С первого представления принять мы смогли всего меньше трети

На многих заводах и фабриках страны с 1 января началась государственная приемка продукции — дело важное, нужное, сложное.

Кое-кто недоумевает: зачем дополнительный контроль? Неужели одного ОТК мало?

Мало. Вот, к примеру, в прошлом году на предприятиях Минлесбумпрома СССР контролеры Госстандарта 600 раз браковали целые партии изделий, принятых ОТК. А на станкостроительных заводах примерно 70 процентов изделий выпускаются с нарушением стандартов. Механизаторы жалуются: тракторы и комбайны прибывают в хозяйства с недокрученными гайками и непроваренными стыками. Жалуются покупатели обуви и телевизоров, фарфоровых изделий и одежды. Да что же это делается, товарищи? Как мы дальше жить-то будем, если не поставим заслон браку?!

Вот почему с настоящего номера «Крокодил» вводит специальную рубрику «ГЛАЗ ДА ГЛАС», что будет означать, во-первых, строгий контроль, а во-вторых, широкую его гласность. И еще то, что «Крокодил» намерен быть активным участником госприемки.

готовой продукции! Понимаете? Остальные две трети — брак! Но ведь только вчера я... Непостижимо!

Шок Савосина понятен: только еще вчера нынешний руководитель госприемки был начальником ОТК. Этого же предприятия. И, конечно, всю эту продукцию преспокойно принимал.

Спрашивается: что же изменилось сегодня по сравнению со вчера? Белое стало черным?

— Да нет, — размышляет вслух Савосин. — Просто за долгие годы притерпелись мы все к плохой работе. Так сказать, за те же деньги. Да притом не за государственные, а за свои кровные. Даже больше: бракодел потеряет и в премии: за допущенный брак он будет лишаться части премиальных. Кому ж охота? На том же предприятии «ЭМА» мне сказали: «Теперь наши рабочие-сборщики стали как бы нештатными контролерами ОТК: ни за что не пропустят при сборке бракованную деталь, вернут ее в цех». Естественно! Но если б им пришло это в голову раньше!..

Действительно, нельзя. В самом деле — стыдно. И больше всего — самим рабочим. Да и невыгодно это им теперь. Брак-то приходится устранять бесплатно. Так сказать, за те же деньги. Да притом не за государственные, а за свои кровные. Даже больше: бракодел потеряет и в премии: за допущенный брак он будет лишаться части премиальных. Кому ж охота? На том же предприятии «ЭМА» мне сказали: «Теперь наши рабочие-сборщики стали как бы нештатными контролерами ОТК: ни за что не пропустят при сборке бракованную деталь, вернут ее в цех». Естественно! Но если б им пришло это в голову раньше!..

А теперь приходится создавать еще один контроль: госприемку. Контроль над контролем?.. Не хотелось бы, чтоб это было так. На заводах, да и в самом Госстандарте, где побывал спецкор Крокодила, ему убежденно говорили во всех службах: не контроль над контролем, а госприемка заодно с ОТК. Да, так должно быть!

А пока пришлось основательно потратиться государству. И это значит, нам с вами тоже, дорогой читатель. Кто-то гонит брак, кто-то смотрит на это безобразие сквозь пальцы, кто-то звонко отчитывается за «вал», а расплачиваемся все мы. Разве это справедливо? Но за все приходится платить...

И теперь важно, чтоб расходы эти наши не были напрасными, не пролетели впустую. Сейчас всюду настрой такой, что есть надежда: затраты окупятся с лихвой. Ведь на исправление брака в целом по стране уходят миллиарды рублей в год! Кругленькая сумма. Значит, плохая работа экономически невыгодна.

И от всех нас зависит, читатель, чтобы госприемка поскорее сделала свое дело. Но дело это новое, проблем хватает, решать их будем сообща. Посему и приглашаем мы вас к участию в новой нашей рубрике. Сообщайте о трудностях при внедрении госприемки и о путях их преодоления, о возникающих сложностях во взаимоотношениях вневедомственных контролеров и изготовителей, о случаях несовпадения интересов тех и других, хотя интересы эти вроде бы должны быть одинаковыми. Пишите обо всем, что мешает повышению качества продукции, и обо всех, кто этому мешает. Ждем ваших писем!

АКТУАЛЬНЫЕ СТРОФЫ

Среди многочисленных видов несущих, Среди вездеходов, среди вездесущих Немыслимых видов жучка-несуна Встречается нам разновидность одна — Особого сорта, особого рода (Чего не создаст наша мать-природа!) — Такому не просто дать праведный бой, Ведь он никогда не уносит с собой Ни гаек, ни шайб, ни белил и ни красок, Ни птицы, ни рыбы, ни кваса, ни мяса, Ни скрепок, ни папок, ни ниток — ни-ни! Ни прочего — боже его сохрани!

Никак не похож на банального вора, Спокойно минует любого вахтера, И вам проверять бесполезно его — За пазухой он не несет ничего. Не канула в Лету такая картинка:

Мих. РАСКАТОВ НЕСУН-

Шагает с работы несун-невидимка, От страха за кражу его не трясет — И он каждодневно упорно несет В своем «дипломате» ли, папке, портфеле — Секунды, Минуты, Часы

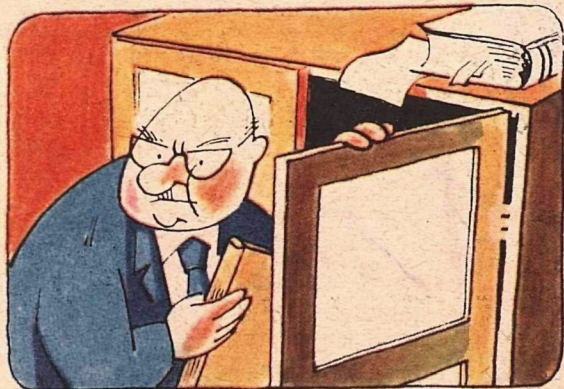
Валерий МОХОВ

И недели...
Выносит он то, что назад не вернешь,
Выносит он то, что не ценит ни в грош!
Засев в уголке родного отдела,
Он час украдет у минутного дела,

НЕВИДИМКА

А делом, которое требует час,
Он ровно неделю отнимет у вас.
Его дарованье, а также призванье—
Великое, долгое
Со-гла-со-ва-нье,
Где «со»—это месяц,
А «гла»—это два,

И снова—бумага,
И снова—слова...
...Ведется повсюду усиленно нами
Борьба с воровством, виноват, с несунами,
Но только вредней и опасней сто крат
Не просто несун,
А НЕСУН-ВРЕМЯКРАД!
За дело любое отнюдь не радея,
Немалые годы отнял у людей он,
Всю жизнь протянул, проболтал, прожевал—
Он сам не работал, другим не давал!
Теперь верещит он:
«Дашь перестройку!»,
Но трудится снова с натяжкой на «тройку»—
Нет сдвигов в помине.
И вот оттого
Несун этот ныне
Опасней всего!

ДЫРА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ДЖИНСЫ ФИРМЫ

«ПАРАБЕЛЛУМ»

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ПРОЛОГ

Начало этой истории уходит корнями в недавнюю эпоху острой джинсовой недостаточности.

...Подсобный рабочий РСУ Кировского района города Риги Юрий Петрович Абакшин стоял у окна второго этажа дома №1 по улице Калею, где его родное РСУ проводило капитальный ремонт.

На досуге Юрий Петрович любил выпить и занимался этой любовью чуть не ежедневно. Вот и сегодня с утра лицо его помятостью и похмельной белизной напоминало простыню, извлеченную из стиральной машины, а голова была такой тяжелой, будто в нее положили увесистый кирпич, похожий на те кирпичи с налипшей штукатуркой, что он сейчас брезгливо вынимал один за одним из стены старого дома.

В стенном проеме под одним из кирпичей Абакшин с изумлением приметил небольшой сверток, кое-как прикрытый полусгнившей ветошью. Юрий Петрович развернул обрывки тряпок и вощеной бумаги и едва не уронил находку со второго этажа: в его дрожащих руках тускло поблескивал вороненой сталью хорошо смазанный пистолет.

Вслед за пистолетом Абакшин извлек из тайника обойму с восемью патронами.

Кто и когда замуровал оружие в стену дома, так и осталось тайной. Возможно, это был ульманисовский офицер, прикинувшийся с приходом в Ригу Красной Армии добропорядочным бюргером, но не терявший надежды на возрождение власти толстого и лысого диктатора.

Как бы там ни было, но экспертиза впоследствии установит, что Абакшин нашел пистолет системы «Борхардт—Люгер П-08» производства 1936 года. Пистолеты этой системы называют иногда «Парабеллум», что в переводе с латыни означает «готовься к войне».

Его Величество Случай, как известно, является одним из двигателей истории. И наша история не исключение. Случайная находка Абакшина сыграла в ней свою роковую роль, хотя Юрий Петрович, наткнувшись на «Парабеллум», менее всего думал об исторических последствиях этого события. Как и всякий человек, живущий по принципу «денег нет—орлом летаю, деньги есть—свиньей лежу», думал он скорее о том ликеро-водочном эквиваленте, к которому его находка могла быть приравнена. Придя к заключению, что таким эквивалентом могут стать как минимум три стеклянные единицы жидкой валюты, он отнес пистолет не в милицию, как велел закон, а в собственную квартиру...

Антон Павлович Чехов утверждал, что если в начале пьесы на стене висит ружье, то в конце оно должно выстрелить. Это было сказано классиком в медлительном девятнадцатом веке. С тех пор времена изменились, выросли скорости. И потому наш «Парабеллум» выстрелит не в конце повести, а уже в следующем абзаце...

...Солнечным майским полднем в квартире 27 дома №2 по улице Алаукста в Риге прозвучали три выстрела. Жильцы дома их слышали, но восприняли с таким равнодушием, будто это были не выстрелы, а передача радиостанции «Маяк» о погоде разных широт: «сильные муссонные дожди пройдут сегодня на побережье экваториальной Африки...» По реакции жильцов можно было подумать, что в доме №2 палат

из «Парабеллумов» как минимум с той же частотой, что вывозят мусор,—дважды в сутки.

А между тем в тот солнечный майский полдень в квартире 27 была убита Эмма Васильевна Бурилина—начальник отдела республиканского комитета профсоюза работников торговли и потребкооперации. Вместе с ней погиб ее, как говорили раньше, гражданский муж или, как говорят теперь, любовник Имант Пуриньш*.

Убийство было совершено из того самого пистолета, который случайно нашел в тайнике Абакшин.

«Эмма Бовари—это я»,—сказал Флобер. Автор не решится здесь повторить вслед за французским романистом «Эмма Бурилина—это я», несмотря на то что именно Э. В. Бурилина будет главной «героиней» нашей повести. Не сделает он этого потому, что с своей героине в отличие от Флобера относится без симпатий.

«О мертвых—или ничего или хорошо»,—говаривали мудрые, хоть и древние, римляне. Увы, автор вынужден нарушить это античное табу: он не имеет права ничего не говорить о Бурилиной, ибо она, как было сказано выше, есть главное действующее лицо этой истории. И при всем желании по причинам, которые вскоре начнут проясняться, не может он говорить о ней хорошо. Остается одно: говорить о покойной Эмме Васильевне так, как это и было на самом деле, то есть правду...

При осмотре квартиры 27, именовавшейся отныне местом происшествия, были найдены в беспорядке разбросанные по полу золотые кольца и серьги, серебро и драгоценные камни. Платяной шкаф был доверху набит флаконами французских духов. В одном из темных углов нашли сотни ярлычков и ценников от импортной одежды и обуви. И много чего еще обнаружилось в квартире профсоюзной руководительницы, зарплата которой составляла, кстати, астрономическую сумму—130 рублей в месяц.

Все это наводило на размышления...

Забегаю вперед, заметим, что из «дела Бурилиной» «выросло» впоследствии еще более полусотни крупных уголовных дел. Начальник следственной части республиканской прокуратуры Рита Яковлевна Аксенок показала автору огромную—размером со скатерть—схему, на которой был обозначен ход расследования этих дел. Схема напоминала паутину с сотнями разноцветных узелков-квадратиков, каждый из которых обозначал подследственного либо преступника.

По многим «квадратикам» из упомянутой схемы следствие еще продолжится. И потому мы расскажем только о «деле Бурилиной», ставшем для работников прокуратуры той самой ниточкой, потянув за которую они в конечном итоге распутали весь клубок.

...Итак, мы возвращаемся в квартиру по улице Алаукста. Среди прочих предметов, найденных в ней при осмотре, привлекла внимание приговоренная к отправке посылка с заграничными вещами: джинсами, блузками, платьями—без ярлычков и ценников. На крышке посылочного ящика рукой Бурилиной был выведен адрес: «г. Львов, ул. Научная, 96, кв. 95, Милидовичу К. А.»

* Звездочкой здесь и далее помечены имена и фамилии, измененные автором.—В. В.

Через несколько дней львовская милиция арестовала адресата посылки Казимира Адольфовича Милидовича.

Глава 1. ШТАНЫ ДЛЯ КАЗИМИРА

Для львовянина Казимира Милидовича Рига была особым, праздничным городом, примерно как Париж для Хемингуэя. Здесь (в Риге, понятно, а не в Париже) он учился в Институте инженеров гражданской авиации, сюда он регулярно наезжал в командировки, работая инженером во Львовском аэропорту.

Женился Казимир на красивой женщине с импортным именем Эльза*. Она работала бортпроводницей, предпочитая именоваться стюардессой, но, к великому сожалению Казимира, не на международных, а на самых внутренних авиалиниях.

Отчего тяготила Милидовича скромная внутрисоюзная география полетов супруги? Оттого, что с давних лет лелеял он мечту о фирменных джинсовых штанах.

Джинсы были в его глазах не просто одеждой, а основной приметой того образа жизни, к которому он стремился: красочный «лейбл» и упругие штанины виделись ему символом раскованности, могущества и шика.

Этот символ, увы, был Казимиру не по карману: в Риге в так называемом «центре» — месте сбора фарцовщиков и спекулянтов на одной из центральных площадей — фирменные «штаны» шли в то время чуть не по «два рубля», что в переводе со спекулянтского значило двести рублей за пару. Во Львове же джинсовая ситуация и вовсе характеризовалась одним словом — «напряженка». И оставалось Казимиру только одно: глазеть в свободные минуты в темно-голубое — цвета штанов фирмы «Рэнглер» — небо и ждать окончания затянувшейся эпохи острой джинсовой недостаточности.

Перелом в безджинсовой жизни Казимира произошел через несколько лет после окончания вуза. Во время очередного наезда в Ригу повстречал он своего бывшего однокурсника Кальянова*, слышавшего некогда в институте донжуаном и феминологом.

— Я, брат, такого бабца подцепил, — хвалился ничуть не изменившийся Кальянов. — Пальчики оближешь и будешь сыт... Большая к тому же шишка в области торговли: все, что хочешь, достать может... В магазины заходит только с черного хода, а икру с балычком ей прямо на дом на «БелАЗе» привозят...

— А джинсы по божеской цене она может достать? — замирая от предчувствия, спросил Милидович.

— Спрашиваешь! Хоть «Врангель», хоть «Авизо», хоть брюки имени Леви Страуса...

— «Рэнглер» и «Авис». И не имени, а фирмы «Ливай Штраус», — со знанием дела поправил Казимир. — Познакомь меня, Кальяничик...

И знакомство состоялось. Подругой Кальянова оказалась молбжавая начальница отдела республиканского совета профсоюза торговых работников Эмма Бурилина.

Милидович сразу приглянулся ей. «Такой тюфяк... Из него веревки вить можно, он не заметит», — думала опытная Эмма Васильевна.

Так Милидович стал обладателем и носителем штанов фирмы «Саймон». Бурилина уступила их ему по «божеской» спекулятивной цене — не за «два рубля», как в «центре», а всего за «полтора».

Счастливым Казимир, напивив джинсы, отбыл во Львов, и вскоре получил от своей благотельницы письмо, в котором она интересовалась, как сидят брючата, а заодно задавала шкурный — в прямом смысле этого слова — вопрос: не может ли он достать для нее где-нибудь в Карпатах несколько невыделанных бараньих шкур.

Милидович достал семь шкур и доставил их в Ригу. Вместе с Бурилиной они свезли шкуры на выделку в колхоз «Накотне» Добельского района. Семь шкур превратились в дубленки, которые Бурилина продала, не забыв содрать с доверчивых своих покупателей те же самые семь шкур — теперь уже в переносном смысле.

В благодарность за шкуры Бурилина: а) пообещала добыть для Милидовича дефицитный в то время ковер; б) сделала Казимира своим любовником.

Квартира Бурилиной привела его в шоковое состояние: обилием импортной одежды и обуви она напомнила базу Внешпосылторга.

— Откуда столько шмоток, Эмма? — удивлялся размякший Казимир.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — отвечала Бурилина с загадочной улыбкой.

Для не боящегося преждевременно постареть читателя поясним, что по службе Эмма Васильевна ведала zahraniчными поездками торговых работников. Она формировала группы, заверяла характеристики, проводила инструктаж отъезжающих, предупреждая их от соблазнов зарубежной жизни, от

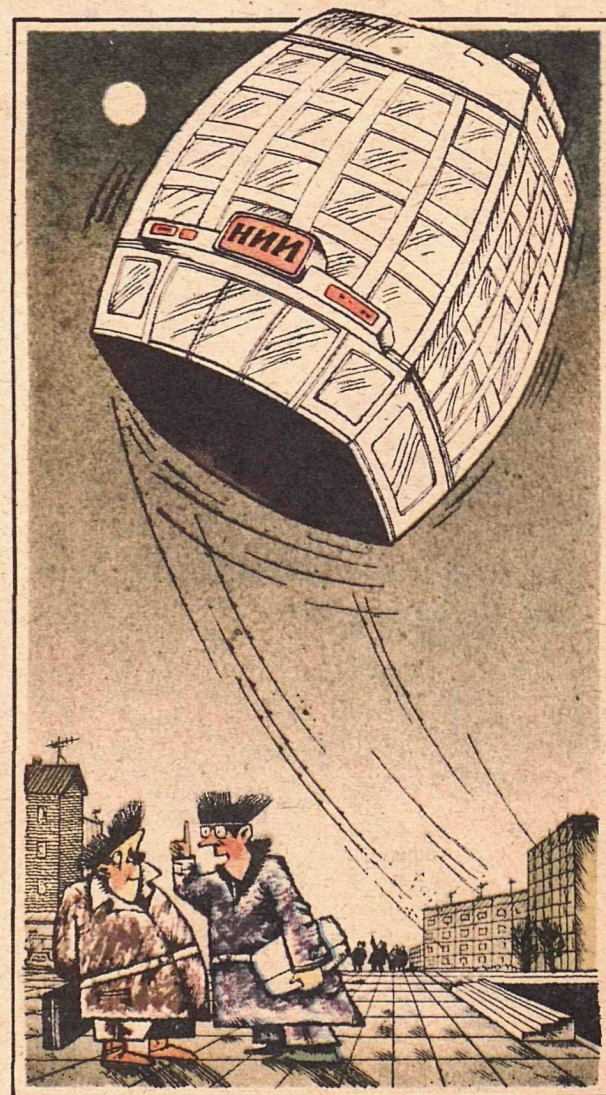

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

ИЖДИВЕНЕЦ

Рисунок Е. ГУРОВА.

— В этом НИИ сильно раздули штаты.
Рисунок Л. СТОРОЖУКА, г. Харьков.

погони за тряпками и морального разложения. Самата Бурилина, жившая по его же сформулированному закону: «С чем борюсь — тем и кормлюсь», считала себя вправе нарушать эти запреты и охотно принимала от вернувшихся из поездок счастливых подачки, неуклюже замаскированные под сувениры. «Принимая взятку от посетителей с 9 до 18 часов» — такую табличку в пору было вывесить на внушительной, оббитой черным дерматином двери ее служебного кабинета. Прежде чем поставить свою подпись в выездном деле потенциального командированного или туриста, Эмма Васильевна придирчиво изучала все его данные, то есть сколько и чего он уже ей дал, либо даст по возвращении из поездки.

Теперь читателю должно быть понятно, почему Бурилина всегда была желанной гостьей в магазинах и подсобках: кому в наш просвещенный век не хочется посмотреть мир? Работникам рижской торговли казалось, что Эмма Васильевна Бурилина прочно держит весь мир в своих начальственных руках.

...Скрепленная семья шурами связь Бурилиной со слабавольным Милидовичем набирала обороты. Оберегая свой душевный покой, Казимир очень опасался, как бы о его рижских амурных похождениях не пронюхала жена Эльза, что непременно привело бы к скандалу. Вспыльчивый, но отходчивый, как шампанское, Милидович был всего лишь неопытным скандалистом-любителем, в то время как его супруга-стюардесса умела скандалить профессионально. На скандалофобии Казимира и решила сыграть Бурилина.

— Вот что, Казимирчик, — сказала она как-то раз во время очередных рижских гастролей Милидовича. — Не пора ли расплатиться за всю мою доброту и любовь? Я дам тебе кое-какие тряпки — «сдашь» их во Львове.

— Но ведь это же уголовщина, Эммочка, — взъерепенился было Милидович. — Ты толкаешь меня на преступление.

— А то, чем ты со мной занимаешься, по-твоему, что? Вот напишу Эльзе, как ты меня, беззащитную, соблазнил...

И Милидович начал брать тряпки. Он «сдавал» их соседям и сослуживцам по названным Бурилиной ценам, он сбывал их на барахолке, именуемой на местном спекулянтском диалекте «балкой». «Время, проведенное на «балке», не засчитывается в срок жизни», — уверяли Казимира прожженные ветераны вещевого рынка.

Вырученные деньги Милидович отсылал в Ригу, ничего не оставляя себе. Бывали случаи, когда он хотел оставить что-либо из шмоток для себя или Эльзы и просил Бурилину в письмах уступить ему сапоги или кофточку по сниженной спекулятивной цене. Но Эмма Васильевна была непреклонна. «Любовь любовью, а прибыль прибылью» — так рассуждала она.

Да не создается у читателя ложное представление о Милидовиче как о бесребреннике. Деньг за посредничество в спекуляции он действительно не получал — более того: так боялся Казимир своей рижской возлюбленной, что иногда, не успев продать вещь в срок, посылал ей свои кровные, дабы не прогневить. Бурилина расплачивалась с ним по-другому.

«В Риге, Казик, я могу все!» — любила повторять она Казимиру. И на деле доказывала это. Она помогла незаконно прописаться в столице Латвии родной сестре Милидовича, каждое лето принимала чету Милидович на своей роскошной даче в Юрмале, катала их по всей республике на личном автомобиле. Эльза Милидович души не чаяла в Эммочке. О связи Бурилиной с мужем она, понятно, ничего не знала.

В довершение ко всему Эмма Васильевна обещала устроить Милидовичу поездку в любую точку земного шара — хоть на Пальма-де-Мальорку...

За все эти благоденствия она требовала от него только одного: исправной спекуляции вещами.

Ее посылки во Львов становятся все более частыми и вескими. Они приходят по почте, их доставляют Казимиру доверенные лица Эммы Васильевны, среди которых официант вагона-ресторана поезда Рига — Львов Химикус*, уже побывавший за границей и жаждущий отплатить Бурилиной за ее благосклонность.

Казимир все больше и больше матерееет как спекулянт. Он пытается всучить 20-рублевые босножки за 50 рублей собственной сестре, а когда та отказывается, сплавляет их соседке, уверяя, что купил для Эльзы за семьдесят. Эльза, находясь под впечатлением от эммочкиного гостеприимства, подтверждает это.

Подобных «операций» Казимир провернул десятки. Нельзя сказать, что он не боялся милиции — даже очень боялся. Но еще пуще опасался он Бурилиной. Пару раз пытался бунтовать Казимир: не буду, дескать, больше спекулировать, и точка! Но Эмма Ва-

сильевна когда лаской, а чаще примитивным шантажом типа «все расскажу Эльзе» подавляла его робкие попытки.

Были ли у Милидовича основания для убийства Бурилиной и ее любовника? Несомненно. Ревность, боязнь разоблачения, страх перед тем, что жена узнает о неверности, и, наконец, нежелание оставаться соучастником спекуляции — каждая из этих причин, как свидетельствует уголовная практика, может стать убийственной.

Но Милидович не убивал Бурилиной. В день преступления он находился во Львове.

Пока львовская милиция проверяла алиби Казимира, в Риге произошло непредвиденное.

Глава 2. СЛЕДЫ ВЕДУТ В «ЦЕНТР»

В кабинет старшего оперуполномоченного отделения угрозыска линейного отдела милиции в аэропорту Риги М. В. Хаймусова робко заглянул опрятный молодой человек в джинсах.

— Хотите знать, кто убил Бурилину? — спросил он. — Я располагаю информацией.

Об убийстве на улице Алаукста уже говорил весь город.

— Кто вы? — поинтересовался Михаил Васильевич у странного посетителя.

— Техник рижского аэропорта Виктор Лысенко, 24 года, — по-военному отрекомендовался молодой человек. — Да вы, Михаил Васильевич, меня знаете...

Хаймусов напруга память и действительно припомнил, что пару лет назад расследовал дело о краже багажа, в котором оказался замешанным Виктор Лысенко. Тогда ему чудом удалось избежать уголовной ответственности.

— Я вас слушаю, — сухо молвил оперуполномоченный.

— Так вот. Бурилину и ее дружка убил студент Валерий Долгов. Убил из пистолета, взятого напрокат у Виктора Кузнецова...

Из дальнейшего рассказа Лысенко выяснилось, что и Кузнецов, и Долгова он знал по «центру» — своеобразному спекулянтскому Гайд-парку возле знаменитых часов «Мир» (циферблат этих часов украшен словом «мир», многократно повторенным на разных языках, — отсюда и название). Сам Лысенко, по его словам, давно порвал с «центром» и «центровиками». О намерении убить Бурилину Долгов якобы говорил ему еще месяц назад.

— Сказал, что задолжала она ему кучу бабок, — откровенничал Лысенко. — Вообще-то Валерка — парень неплохой, но импульсивный и завистливый. Всегда по красивой жизни плакал... Ограблю, говорит, Бурилину, захвачу в аэропорту самолет с заложниками и слиняю на Запад, поскольку в Союзе, говорит, мне ловить нечего...

Выслушав Лысенко, Хаймусов предложил ему написать обо всем рассказанном заявление в прокуратуру, что тот с удовольствием и проделал.

Работники прокуратуры, изучив заявление, первым делом проверили алиби самого Лысенко. Его подруга Инна Вакурзина* заявила, что в день убийства Виктор был при ней неотлучно.

Следствие вплотную занялось Долговым. Внимание, читатель! С этого момента наше повествование надолго — почти до самого конца — уходит в ретроспективу.

Валерий Долгов появился на свет в Иркутской области, в семье юристов. Родился он в апреле — под знаком Овена, что, если верить гороскопам, сулило ему в будущем такие, казалось бы, взаимоисключающие черты характера, как практичность и расточительность. Впрочем, мы вскоре убедимся, что и эти, и другие противоречивые качества удивительным образом сочетались в нем.

После рождения сына семья Долговых переехала в Магаданскую область, в город Синегорье. Здесь Валерий ходил в школу, посещал секцию вольной борьбы и весьма успешно выступал даже на областных соревнованиях. После школы работал на стройке, потом пошел в армию, где был начальником радиостанции, отличником боевой и политической подготовки и, как записано в его армейской характеристике, «...являлся опорой командования части».

Прослужив два года, Валерий лишил командование части опоры и вернулся в Синегорье, но не задержался там, а отправился завоевывать мир.

Прибыв в Ригу, Жюльен Сорель из Синегорья с первого захода поступил на подготовительное отделение Рижского Краснознаменного института инженеров гражданской авиации (РКИИГА) того самого, что некогда кончал Милидович.

Долгов прилежно учился, занимался общественной работой и через год был «автоматом» зачислен на первый курс инженерно-экономического факультета. Как человек опытный, отслуживший в армии, Валерий назначается старостой потока.

И здесь заканчивается розовый этап в биографии нашего героя. Кто-то из великих сказал: чтобы проверить человека, нужно дать ему власть... Для

Валерия, с детства привыкшего повелевать и первенствовать, не болно высокая должность старосты оказалась роковой.

Началось с того, что один из сокурсников Долгова осмелился перечить старосте. Припомнив навыки вольной борьбы, Долгов собственноручно избил бунтаря. Тут всполошился деканат: этак он, чего доброго, по любому пустяку начнет размахивать кулаками... Дальнейшее пребывание Долгова в должности старосты было сочтено нецелесообразным.

Валерий воспринял отстранение как трагедию: он вдруг стал таким, как все, рядовым студентом, лишенным поблажек в учебе и поведении, которые, как он считал, были привилегией старосты.

Вместо того чтобы с удвоенной силой взяться за учебу, Долгов из врожденного духа противоречия (вспомним гороскоп) забрасывает конспекты и едва не заваливает сессию. Его лишают стипендии, но он от этого не очень страдает: любвеобильные «предки» ежемесячно подбрасывают как минимум сто рублей, а то и тысячку... Присылают и посылки с едой и одеждой.

Мать Валерия в то время работала прокурором в городе Чарджоу.

К концу первого курса Валерий оброс «хвостами», как дикобраз иголками. Он берет академотпуск. Вдобавок ко всему за пьянку его выселяют из институтского общежития, и он снимает комнату в квартире по улице Меркеля.

Другую комнату в этой квартире снимала 44-летняя Лилия Николаевна Анищенко, которой суждено сыграть в нашей истории одну из ведущих женских ролей.

...Как-то раз чуткое обоняние Валерия уловило приторный запах паленого сахара, идущий из комнаты Анищенко. Заглянув к соседке, он застал ее за приготовлением на электроплитке какого-то вязкого темно-коричневого варева. Распаренная и включенная Анищенко была похожа на злую колдунью Бастинду из сказки «Волшебник Изумрудного города».

— Что это? — поинтересовался он, указывая на чан с варевом.

— Карамель «Диатезная», — отшутилась Лилия Николаевна.

Из смеси сахара-песка и детского питания «Малютка» Анищенко варила липкие и тошнотворно-сладкие конфеты с трупным запахом, которые, обернув в фольгу, выгодно сбывала детишкам-сладкоежкам возле цирка и городских театров. Конфеты она выносила прямо к театральным подъездам. Что же касается собственных маленьких сыновей — Димы и Лешы, то их она с раннего детства приобщала к театру, правда, внутрь не заводила, заставляя вместе с ней торговать конфетами у входа — пусть, дескать, с малолетства привыкают к коммерции...

Сестоимостью одной конфеты составляла для Анищенко 10 копеек, продавала же их она по 20 копеек за штуку, получая таким образом стопроцентную прибыль.

К моменту знакомства с Долговым домашнее производство Анищенко могло конкурировать со знаменитой рижской фабрикой «Узвара», если не по качеству, то хотя бы по валу: сто тысяч эрзацледенцов, выданных на-гора Лилией Николаевной, принесли ей десять тысяч рублей дохода... Но вкусы Анищенко конфетами не ограничивались. Часами рассказывала она Валерию о своем разветвленном блате в системе рижской торговли, особый упор делая на некую высокопоставленную торговую начальницу, с которой они будто бы лучшие подруги.

В доказательство она приносила на квартиру по улице Меркеля импортные вещи, купленные ею якобы по знакомству и предназначенные для перепродажи. Расточительный (гороскоп!) Валерий в те дни от безделья частенько ударялся в загулы, и присылаемые «предками» пропивочные стало явно не хватать. Он начал наведываться в «центр» к часам «Мир», где юркие и насквозь джинсовые «центровики» покупали и продавали заграничные тряпки. Ему нравились манеры спекулянтов, нравилась та неизвестно где изысканная джинсово-вельветовая небрежность, с которой они одевались.

Влекомый центристремительной силой, Валерий обращается к Анищенко с просьбой достать ему партию «штанов».

— Наконец-то ты, Валерка, займешься настоящим делом! — одобрила Анищенко и моментально, будто бы из воздуха, достала 37 пар джинсов фирмы «Саймон», имевших госцену по 80 рублей за пару. Из уважения к соседу и как напутствие начинающему спекулянту она уступила их Долгову «всего» по сто рублей.

Практичный (гороскоп!) Долгов продал брюки по 130—150 рублей за пару, сразу же обогатившись чуть не на две тысячи.

Брючный союз Валерия Долгова и Лилии Николаевны Анищенко оказался взаимовыгодным. Студент-неудачник и низвергнутый староста нашел наконец свое призвание.

Продолжение следует.

НИТРАТЫ И УТРАТЫ

ГОСАГРОПРОМ СССР ОТВЕТИЛ, ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ

Фельетон назывался «Некондиционный богатырь» (№ 19, 1986 г.). В нем рассказывалось о том, что многие колхозы и совхозы злоупотребляют азотными удобрениями, которые вызывают бурный рост картофеля, овощей и прочих даров природы. Но когда эта продукция закладывается на хранение, то очень скоро из подарка превращается в гниль. Однако такая трансформация на результатах деятельности хозяйств не отражается. Их руководители отчитываются за «высокий урожай», за «вал», получая премии и награды. А ведь это не что иное, как приписки!

На выступление «Крокодила» из Госагропрома СССР пришел официальный ответ, подписанный заместителем начальника отдела по производству и переработке плодоовощной продукции И. С. Ефремовым. Одновременно поступило множество писем читателей, откликнувшихся на этот фельетон. Нам показалось интересным сопоставить ответ тов. Ефремова с откликами читателей.

«Вопросы качества сельскохозяйственной продукции остаются весьма актуальными. Случаи поставки государству плодоовощной продукции и картофеля с повышенным содержанием нитратов продолжают иметь место.

Госагропромом СССР, его органами на местах принимаются меры по усилению контроля за содержанием и предупреждением накопления нитратов в растительной продукции и окружающей среде».

Наблюдала я в Смоленской области, как удобряют почву: как попало, без всяких норм, без всякой науки. Годами горы удобрений лежат на полях, ими травится скот.

Г. РУЖЕЙНИКОВА,
Москва.

«Агрохимическая служба осуществляет технологический контроль за применением азотсодержащих минеральных удобрений. Ежегодно на содержание нитратов анализируется около 100 тысяч проб плодоовощной продукции. Только в РСФСР работает свыше 300 агрохимических лабораторий».

Я работаю в Павлово-Посадском торге на хранилище. Веду закладку свежей капусты. Посмотрели бы вы, во что она превращается после закладки из-за этих нитратов! Каждый год терпим огромные убытки...

А. ЯСЬКОВА,
Московская область.

«На колхозных рынках эту работу проводят лаборатории ветеринарного контроля».

В вашей статье назывался прибор для быстрого определения нитратов в бачковых культурах. Такой прибор в нашей работе очень нужен, так как мы занимаемся ветеринарно-санитарной экспертизой пищевых продуктов, доставляемых на колхозный рынок. Убедительно прошу вас, дайте адрес, куда можно послать заявку на этот прибор, согласны на любые затраты.

Т. ПИМЕНОВА,
ветеринарный врач,
г. Салават, Башкирская АССР.

«Выборочный контроль за содержанием нитратов и пестицидов в растительной и другой пищевой продукции осуществляют также учреждения санэпидемслужбы в порядке государственного санитарного надзора».

В своей статье вы разобрали только одну сторону вопроса, связанную с хранением овощей. А ведь избыточное количество нитратов в продуктах отнюдь не безразлично для организма человека!

Г. МИХАЙЛОВСКИЙ,
кандидат медицинских наук,
Москва.

«Госагропромом СССР в июле с. г. (1986.— Прим. ред.) на места направлено указание «Об усилении контроля за содержанием нитратов в растительной продукции и предупреждении их накопления». По этому вопросу на местах изданы

приказы, которыми персональная ответственность за обеспечение контроля возложена на руководителей и главных агрономов хозяйств... Особое внимание предусмотрено уделить профилактике накопления нитратов в плодоовощной продукции... Этими вопросами занимаются научные учреждения ВАСХНИЛ».

Более 120 лет тому назад Ефим Грачев в одиночку создал овощи потрясающих размеров и отличного качества. Им было выведено и улучшено более 100 сортов картофеля. «Имя этого человека, — пишется в журнале «Наука и жизнь», — овеяно легендой». А теперь десятки НИИ с тысячами ученых не могут добиться того, чего добился один Грачев. Неужели его опыт забыт? Перешили на «химию», которая губит природу и наносит ущерб людям...

В. ПОПОВ,
г. Вильнюс.

«В настоящее время решается вопрос о массовом производстве отечественного прибора, предназначенного для измерения нитратов, с целью обеспечения этим прибором каждого колхоза и совхоза».

Включите, пожалуйста, в рубрику ЕВМ («Есть вопрос министру») такой вопрос Госагропрому СССР:

— Когда же наконец после многолетней волокиты будет изготовлен и начнет выпускаться в массовом порядке нитратомер?

А. КОМАНОВ,
г. Бендеры, Молдавская ССР.

Полностью солидаризируюсь с читателем из Бендер, Крокодил выполняет его просьбу.

ЕСТЬ ВОПРОС МИНИСТРУ

Г. А. РОМАНЕНКО,
заместителю
председателя
Госагропрома СССР:

— Уважаемый Геннадий Алексеевич! Сообщите, пожалуйста, что практически сделано, чтобы уже в начале будущего сезона полевых работ исключить злоупотребление азотными удобрениями в хозяйствах страны? Какими конкретно методами намерены контролировать в совхозах и колхозах содержание нитратов в почве и в выращенной продукции? На какое предприятие возложена ответственность за выпуск нитратомера?

Не особенно напрягая зрение, в любом городе можно увидеть хоть один намертво вросший в торцевую стену старого дома плакат: на громадном, в три этажа, спичечном коробке сидит пятиметровый мальчик в штанишках и грозит прохожему толстой, как дубина, спичкой. Время и маляры изрядно поработали над портретом ребенка, так что в вечерний час да еще при удачном освещении он в самом деле может напугать неосторожного прохожего до судорог.

Е. ПОПОК, Д. КАЛЮЖНЫЙ,
специальные корреспонденты
Крокодила

А на этикетке грандиозного коробка сверкает надпись. Смысл надписей при всех областных различиях в грамотности и шрифте всегда соответствует чеканному канону: «Не оставляйте детей одних, дети балуются — пожар от них», — и далее следует номер телефона пожарной команды.

Возможно, такой плакат подействует на случайного прохожего, но вот дети остаются в безмятежном неведении, какую угрозу представляет для окружающих огонь в их слабых ручонках.

В поселке Ваховском Нижневартовского района Тюменской области пятилетний Рома Л., резвяся и играя, сжег склад ОРСа «Главтюменьгеологии». Семилетний Дима К. из деревни Усольцево Красноярского края развлекался брошенным кем-то окурком; к концу развлечения от большой деревни осталось шесть домов. В Новом Уренгое шестилетние Юра М. и Костя И. при помощи нескольких спичек лишили крова и имущества сто двенадцать семей. Подожженное шестилетним Женей К. хранилище сена племзавода «Караваево» под Костромой семь часов гасили сто пожарных, дружинников и рабочих. Сгорела тысяча тонн сена.

Никто и никогда не говорил этим детям, как и миллионам других наших детей, что игры с огнем опасны. Ну, если только папа иногда, насмотревшись плакатов, погрозит пальцем... В детских же садах ни одна методика не предусматривает противопожарного воспитания дошкольников. В переиздававшейся десять раз «Программе воспитания в детском саду» о пожарах — ни слова. В «Справочнике по дошкольному воспитанию» объемом в 543 страницы — ни звука... А раз воспитатели молчат, дети учатся на своем горьком опыте.

Второклассник Петя Ш. из Вышнего Волочка приехал с мамой, воспитательницей детского сада, в гости к бабушке в село Брусово Калининской области. Пока мама с бабушкой делилась в доме новостями, любимым внуком поджигал во дворе сено и солому. Четырнадцать оставшихся без крыши семей утешаются теперь только тем, что бабушкин дом сгорел первым.

В райцентре Куйтун Иркутской области трое первоклассников забрели на хозяйственный склад райпотребсоюза и путем несложного

И просиживая штаны, можно далеко пойти!

Игорь БЕРЕЗИНСКИЙ, г. Одесса.

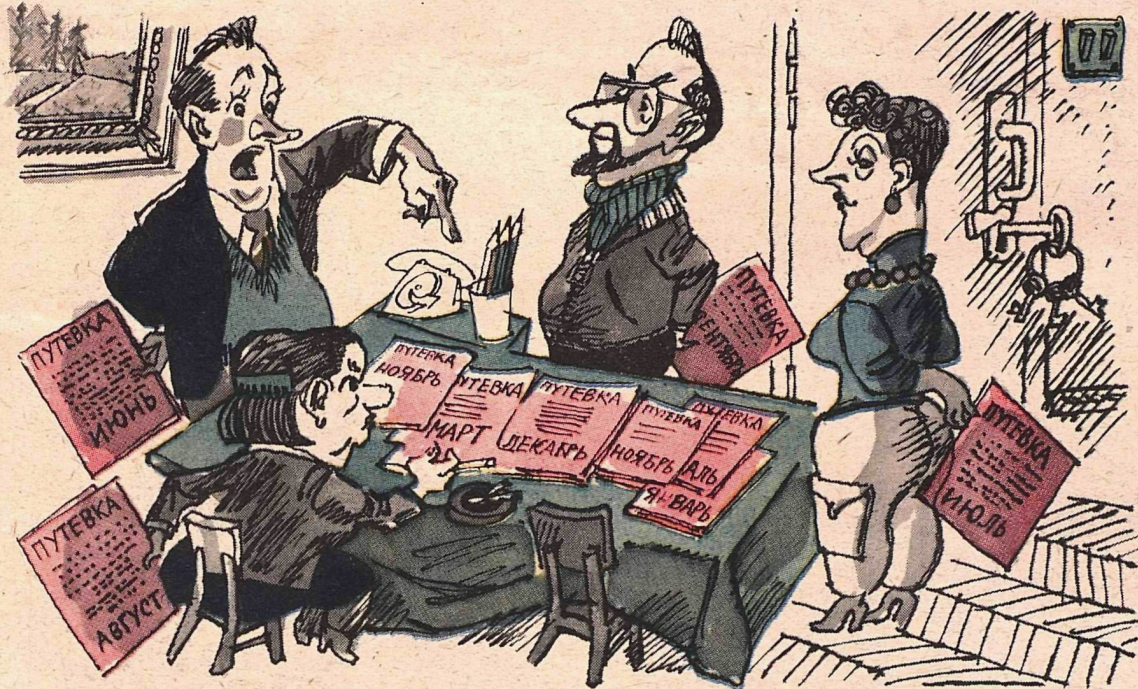
Ученье — свет, поучающих — тьма.
Ц. МЕЛАМЕД, г. Рига.

При всеобщей грамотности легче всего утопить человека письменно.

Если где-то о чем-то говорят шепотом, значит, где-то об этом уже кричат.

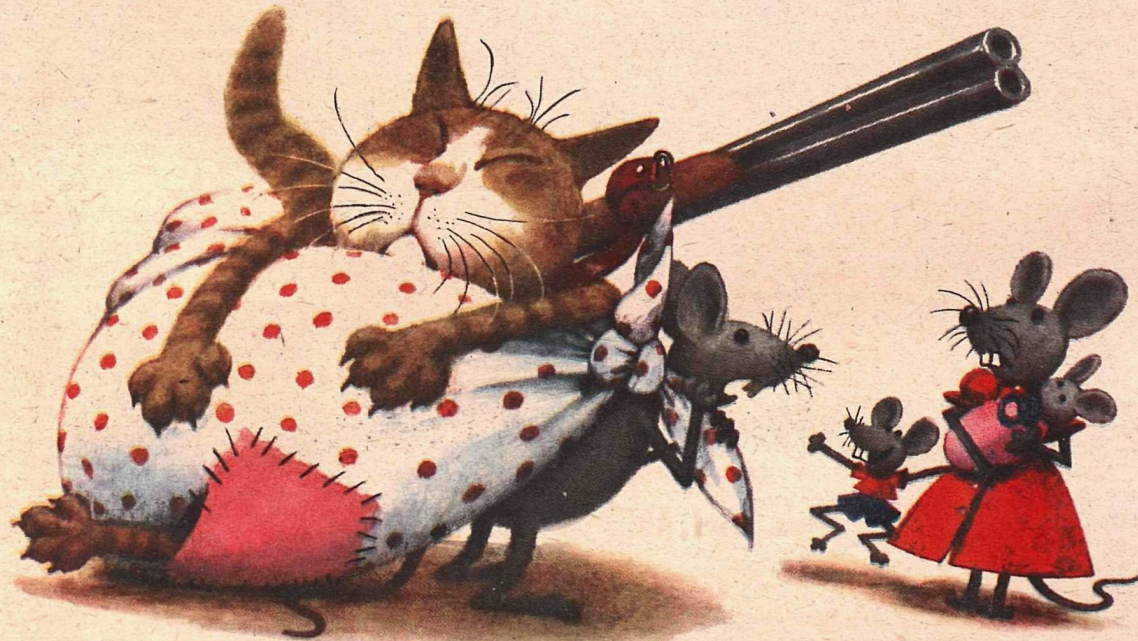
Е. ДВОРЯНИКОВ, г. Макеевка.

Многоголом

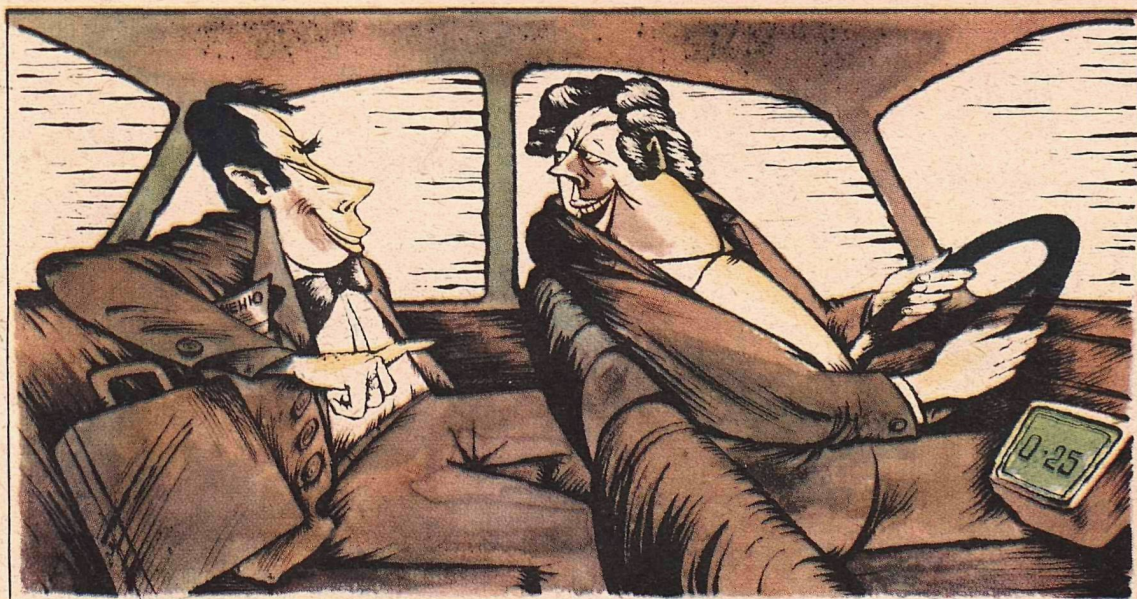
— А эти путевки будем распределять в обстановке широкой гласности!

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА.

— Вот принес все, что осталось на складе...

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

— Я в такси только на чаевые езжу!
— А я на чаевые только в ресторане обедаю.

Рисунок Л. СТОРОЖУКА,
г. Харьков.

опыта узнали, что если к древесной стружке поднести огонек, то стружка чернеет и сжигается. Знание — сила. Когда мальчики вырастут и научатся считать, они также узнают, что их пожарное «самообразование» обошлось райпотребсоюзу в пятьсот тысяч рублей.

Интересно, что в понимании опасности игр с огнем школьники столь же дремуче неграмотны, как и младшие дети. Ни осторожности в обращении с ним, ни способам пожаротушения школьников не учат. Это очень удобно: сделать вид, что проблемы нет, — и решать ее не надо.

Можно с уверенностью сказать, что шестиклассник Алеша К. не хотел сжигать сырьевые склады Zubцовского льнозавода Калининской области. Он просто гулял у реки, возле завода, а там росла сухая трава. Шестиклассник — это уже большой мальчик, пионер, октябрютам пример. Наверное, Алеша хотел сделать доброе дело. Может быть, ему когда-то говорили, что для развития «зеленого друга» сушняк вреден, вот он и поджег сухую траву. Трава, конечно, сгорела — да и отчего бы ей не сгореть? — а вместе с ней улетело в синее небо на сто тысяч госимущества. Алеша даже удивился.

МВД СССР не раз обращалось к Министерству просвещения СССР с просьбой ввести в школах изучение правил пожарной безопасности. Еще бы! Ежегодно в стране происходит 12—14 тысяч «детских» пожаров, ущерб от которых исчисляется миллионами рублей. Сотни детей гибнут в огне. В 1982 году заместитель министра просвещения В. Коротов (ныне директор НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР) выразил полную солидарность с пожарными: «Мы разделяем озабоченность МВД СССР по поводу пожаров, возникающих по вине детей и подростков, и считаем целесообразным дополнить методические пособия для учителей рекомендациями по этому вопросу».

Правда, в угаре дел Минпрос свое намерение так и не выполнил. Но, думается, он, как и мальчик Алеша из г. Zubцова, ничего плохого не хотел. Когда в 1985 году количество пожаров от детской шалости с огнем возросло в РСФСР сразу на 24 процента, в Минпросе тоже сильно удивились.

В том же дымном 1985 году издательство «Просвещение» впервые выпустило для школ пособие «Чтобы не было пожара». Пособие получилось интересным, красочным и дешевым, а вот до школ оно так и не дошло. В уже упоминавшейся Калининской области из трехсот шестидесяти полученных книготоргом брошюр библиотектор взял для тысячи школьных библиотек... девяносто штук. То же самое происходит везде, причем не только в России. В Минской области для 1117 школ библиотектор заказал 180 экземпляров пособия. Короче говоря, почти весь тираж издания на столь ЖГУ-ЩУЮ тему канул в розничную продажу.

Как уберечься от пожара? Этот вопрос все чаще задают себе и сами учителя. Среднюю школу на 320 учащихся в поселке Малиновском Ханты-Мансийского автономного округа погубили два ученика нулевого класса. Школу в поселке Правая Хетта Надымского района Ямало-Ненецкого национального округа сожгла спичка пятиклассника. Зажег «просто так», рассказал он потом, «а когда загорелось, испугался и убежал». Пользуясь трехрублевым кипятильником, две десятиклассницы спалили в селе Дюся Усть-Алданского района Якутской АССР школу-интернат балансовой стоимостью в четверть миллиона рублей. Оказалось, девушки начисто лишены знаний о правилах пользования электробытовыми приборами. Их этому не учили.

Но отсутствие таких знаний у дошкольников, школьников и даже выпускников школ влетает народному хозяйству в копейчку. И только лентяйный мальчик устало грозит с плаката толстой, как дубина, спичкой. Чей же это мальчик? И кому он грозит?

Можно ли жить двойной жизнью на одну зарплату?

С. ФЕДОРОВ, г. Свердловск.

Кредо обывателя: всем хорошим во мне я обязан сберкнижкам.

Е. ГНИЛЯКОВ, г. Гомель.

Умный читатель смотрит и на глупую книжку как на документ эпохи.

Землю надо любить хотя бы за то, что в ней зарыто столько талантов.
Владимир ГОЛОБОРОДЬКО, г. Москва.

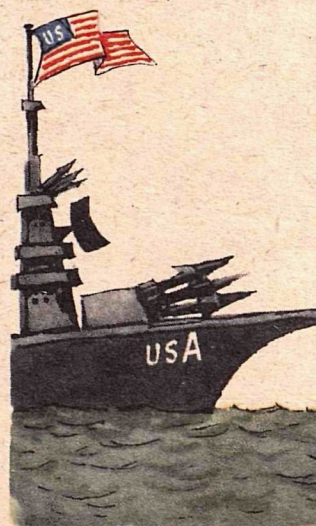
М
И
М
О
Х
О
З
Я
Т
В
О
М

Марк АБРАМОВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

КАРИКАТУРИСТСКИЙ

Новая Зеландия отказалась
впускать в свои порты
американские корабли
с ядерным вооружением.

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ!

Однажды в студеную зимнюю пору в аэропорт Шереметьево прибыл престранный турист с саквояжем. Сняв тяжелую доху, под которой оказался легкий тропический фрак, он передал ее провожающим и бодро шагнул к стойке таможни.

— Оружия и прочих не дозволенных к перевозке вещей нет? — вежливо осведомились там.

— Оружия? А как же — вон, полный саквояж! — И с этими словами турист вывалил на стойку гору тюбиков с красками, чистых блокнотов, а сверху поместил фотоаппарат и даже подзорную трубу. Озадаченные бойцы таможенного фронта долго рассматривали весь этот набор, однако, не найдя ни стреляющих, ни даже колющих предметов, поинтересовались:

— Какое же это оружие, товарищ? Вы, наверное, шутите?

— Ничуть! Для художника, а тем более работающего в жанре политической сатиры, это и есть главное оружие!

— И далеко едете?

— Для начала — в Хошимин, а потом по морям-океанам в кругосветное путешествие.

— Ну что ж, счастливого пути!

И вот уже будущий межконтинентальный вояжер, оказавшийся специальным корреспондентом «Крокодила» и полномочным представителем Союза художников РСФСР Марком Абрамовым, в авиалайнере ИЛ-62 взмыл в снежное небо. Пересев во Вьетнаме с авиалайнера на турбоход «Максим Горький», наш корреспондент за три месяца успел:

1. Посетить все (за исключением Антарктиды) континенты, дважды пересечь экватор, пройдя морем в общей сложности 25 тысяч миль.

2. Научиться спокойно переносить десятибалльный шторм и лазить на пальмы за кокосами.

3. Отплясывать ритуальные танцы австралийских аборигенов, мексиканское танго и даже самбу.

4. Влюбиться в нашу прекрасную планету окончательно и бесповоротно.

Но, главное, наш корреспондент никогда не забывал о своем оружии. Ведь, как ни прекрасен мир, как ни ярко светит над ним солнце, остаются в нем и нищета, и социальная несправедливость, и болезни, и войны. И пока это так, кисти и краски в руках художников-сатириков будут оставаться оружием. Оружием в борьбе во имя мира и добра.

ТАИЛАНДСКИЙ МАЛЬЧИК

ВСТРЕЧА НА ЭКВАТОРЕ

КОСТА-РИКА.
БЕЗ КРОВА
НАД ГОЛОВОЙ

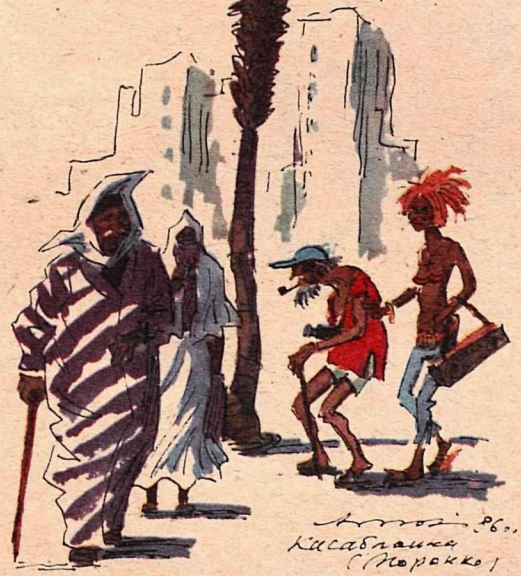
ИЗОРЕПОРТАЖ

АВСТРАЛИЯ. ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР

ЛИССАБОН. ПОРТУГАЛЬСКАЯ КОРРИДА

КАСАБЛАНКА. КОМУ ЧТО НРАВИТСЯ...

ЛОНДОНСКИЙ РОСТОМЕР

КОЛУМБИЯ. У КАЖДОГО СВОЙ БИЗНЕС

Ю. КАЗАНЦЕВ,
специальный
корреспондент
Крокодила

По нижнетагильскому парку брел неухоженный человек. В одной его руке была холщовая сумка с трафаретным портретом эстрадной дивы, в другой — дюралюминиевая лыжная палка без кружка-тормоза. Этой палкой человек шарил в кустах на предмет стеклотары, но тщетно: парк тоже дошел до ручки во всех отношениях.

А парк знал лучшие времена! Было время, давным-давно, парковый вход окарауливали бронзированные львы. По аллеям двигалась чопорная буржуазная публика. В воздухе носились шальные мазурки и плавали вальсы — парк был престижным местом отдыха нижнетагильской знати.

Затем мазурки и вальсы были заглушены громом гражданской, и было не до гуляний.

Но время гулянья пришло!

Пневматический тир и бильярд стали сугубо демократичными забавами. На сваи, вбитые в дно пруда, был поставлен ресторан «Поплавок». С танцплощадки неслись звуки своего паркового джаз-оркестра. До белых мух садовник держал клумбы в пышном цветении. И даже зимой не впадал в дрему этот удивительный уголок города. Так как у руля городской культуры и досуга

стояли люди, которые если за что-то брались, то брались всерьез.

— Мы призываем труженика всей семьей встать на лыжи, но он к нашим зазывам глух. Отчего бы это?

— А оттого, что многодетным трудящимся лыж не напасть — это одно. Второе: лыжи в жилище — это проклятие для живу-

щих. Они обладают способностью падать неизвестно откуда, но обязательно на голову. Выход вот в чем: нужен прокат.

И в парке был организован прокат спортивного инвентаря.

И, казалось, все было лепо и благо в жизни парка. Но на цыпочках подкралась беда.

— Пригласили товарища из области с лекцией «Есть ли жизнь на Марсе?» — говорил очередной заведующий отделом культуры горисполкома жене. — Человек академической внешности, манеры — все при нем, а был освистан на первом же выступлении. Ему крикнули, что на Марсе жизни нет и что это давно известно. Товарищ так обиделся, что уехал, не вернув аванса!..

— Марс — это холодно, далеко и отвлеченно! — философски отвечала супруга. — Что сейчас злорадия?! Плавая тематика. Вот беспроектная вещь! По линии санпросвета затребуй в парк венеролога, пусть просветит народ!

И в парк пришел венеролог.

Душистыми сиреневыми вечерами он вещал с летней эстрады о неотвратимости кары за легкомыслие.

Был вывешен плакат. «Избегайте знакомств!» — кричала плакатная женщина в белой шапочке с большим, как два кирпича, красным крестом.

В парке перестали объясняться в любви.

Работники городского загса дурели со скуки.

В городе упала рождаемость.

Когда венеролога из программы изъяли, парк был уже дискредитирован. Более-менее приличный талант почему-то считал зазорным выступать на его подмостках. Тогда с рынка пришел пахнущий алкоголем человек, знаток инвалидного фольклора. Он же пел куплеты под астмаическую двухрядку:

Тяжело отцам бывало:
Пять сыночков-молодцов!
А теперь полегше стало:
Сын один, а пять отцов.

Но у менестреля был уникальный дар — напиваться между куплетами. Дело кончилось тем, что дворники брезгливо вынесли мазстро на лопатах...

В парке поселилась скука. И как-то незаметно был закрыт на ремонт, а затем совсем ресторан «Поплавок». Зачехлили орудия труда и разошлись в поисках лучшей доли музыканты из джаз-оркестра. Гнили без должной obsługi аттракционы. Увял энтузиаст-садовник. Центр городской культуры одичал. Лишь из бильярдной пока несутся стуки шаров.

Да, несмотря на истеричное отношение к игре отдела культуры, бильярдная еще существует. При помощи невообразимой системы домкратиков, блочков и винтов столы покуда стоят параллельно тверди, хотя пол дырявого балагана пошел торосами.

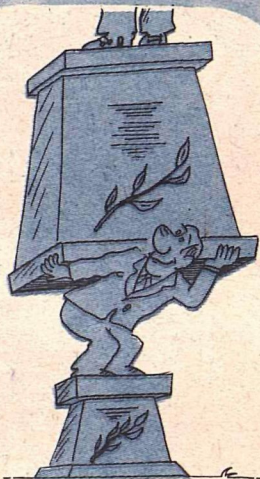

Рисунок С. ВЕТКИНА.

— А ведь начинал с анонимок!

Рисунок С. ВЕТКИНА.

НЕ ПООБЕДАЛИ...

На газовых плитах бурлили борщи, шипели жарившиеся котлеты и эскалопы. И гурманы, и просто проголодавшиеся в предвкушении трапезы глотали слюнки. И вдруг на плитах бурление и шипение прекратилось. Голубой огонек потух. Что такое?

Все разъяснило объявление в подъезде: «Тов. жильцы! Газ отключен по причине отсутствия актов ВДПО на дымоходы. Обращайтесь в ЖЭУ-13 тов. Зиборов».

Но как же с обедом, супами, котлетами? А в чем дело? Никакой проблемы. Ведь кто отключал газоснабжение и сочинил это объявление, славно пообедали. В своем-то доме они ничего не отключили...

Д. КАПЕЛЮШНЫЙ,
инвалид Великой Отечественной войны,
г. Курск, ул. Халтурина, 5.

ЖИЗНЬ С ЭСКОРТОМ

Руководители колхоза «Рассвет» Костромской области ездят к районному начальству только с

эскортом. Впереди катит гусеничный трактор и сади тоже. Треск и грохот на всю округу.

Да что руководство? Рядовые колхозники не делают шагу без шумного почетного сопровождения. Даже гусей на базар везут с механизированным прикрытием.

Посторонний человек, естественно, такому обычаю немало дивится. Между тем это не парадность. Это просто скромное желание не ударить лицом в грязь. В прямом смысле: от деревни Селино, центральной усадьбы колхоза, до райцентра Георгиевское 18 километров ухабистого пути. Без двух тракторов ни один грузовик не пробьется. Поэтому добираться приходится с гусеничным конвоем. Почталову тоже. В результате селинцы читают газеты и письма только пачками. Один-два раза в месяц. Рассказывают, получили как-то жители села Селино телеграмму: едут гости. Ну, естественно, накопили фруктовой воды — ждут. Оказалось, это прибыла телеграмма уже давно отгостивших родственников. Пришлось воду самим пить. В рабочее время.

Ну, гости ладно. Чем меньше, тем лучше. Трактора добывать не надо. А вот какво приболеть, скажем,

маленькому жителю села Селино? «Скорая помощь» тоже ведь едет в окружении эскорта. А пока его соберешь да вышлешь навстречу? Да и скорость у гусеничных агрегатов известно какая. Детский врач с помпой въезжает во двор, а ребенок уже вырос. Сидит на крыльце — ждет эскорта до загса.

Н. ТИМОФЕЕВ.

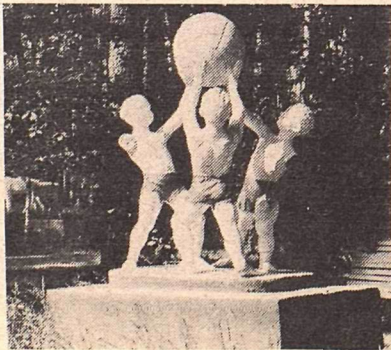
ХОДЬБА В ПРОЦЕНТАХ

Уважаемый Крокодил!

В мае 1986 года угораздило меня отнести пару туфель в мастерскую Кинешемского управления бытового обслуживания, что на Комсомольской улице г. Кинешмы. Ремонтировала, отремонтировала мастерская туфли, но в конце концов оказалась я в одной туфельке. А где вторая, никто не ведает. Мастерская мне сулит за нее какие-то загадочные «проценты стоимости». Но ведь обуться в проценты я вряд ли смогу.

ТУМАНОВА, г. Кинешма.

В ЧЕТЫРЕ
РУКИ
И В
ДОЖДИК

Полюбуйся, Крокодил!

Эта скульптурная группа, символизирующая, как я понимаю, счастливое детство, украшает парк подмосковного дома отдыха «Егорьевск». Не правда ли, трогательно? Так сказать, «игра в четыре руки». Такое случается и в жизни, например, игра в четыре руки на пианино. Правда, в четыре из четырех, а не из шести.

А вот на этой фотографии баня, в которой отдыхающим того же дома отдыха предлагается мыться. Вероятно, лучше это делать в дождливую погоду.

**М. МАХНЕВ, ст. Просница
Кировской области.**

А что тут за бильярды, товарищи! Изготовлены в конце восемнадцатого века из драгоценного красного дерева! Громадные, как футбольные поля! Сукно брошено не по древесностружечным, естественно, плитам, а по плитам графитовым!

И сначала единичные раздались голоса:

— Товарищи, да как же так вышло?! Почему наш парк, наша гордость в прошлом, позабыт-позаброшен?

— А потому, — отвечал отдел культуры горисполкома, — что трудящиеся в смысле развлечений перешли на самообслуживание и в парк идти не хотят.

— Простите, а что там делать?

Очень резонно прозвучал вопрос! Действительно, а что делать в разрушенном временем бывшем парке культуры и отдыха?

Тогда горисполкомом было решено: подыскать парку шефа из богатенькой отрасли. Потянет шеф — молодец, не потянет — есть кого спросить: мол, что ж вы, товарищ, не оправдали доверия масс? Нехорошо! На первый раз порицание, а уж там не обесудьте...

И жребий пал на горное управление Нижне-Тагильского металлургического комбината. Кроме парка, управление уже опекало горбольницу, поликлиники — детскую и стоматологическую, тьму детских садиков, школ, колхоз. Теперь насадил и голос из парка:

— Дай пять листов фанеры! Дай пять листов фанеры, покуда прощу добром!

— Товарищи! — срывалось в крик руководство управления. — Мы были в парке, мы видели, во что он превращен. Пять листов фанеры — это румяна на покойнике. Вам нужны генеральный ремонт и реконструкция! Вам нужно провести берегоукрепление пруда! Осу-

шительные работы в самом парке! Черт-те сколько надо сделать, чтобы вернуть парку первозданность. Все эти работы нам не потянуть, а халтурить мы не умеем!

— Так что же вы предлагаете?

— Кроме нашего управления, чтоб вы знали, в городе есть такие колоссы, как металлургический комбинат, трест «Тагилстрой», Уралвагонзавод, трест «Востокшахтопроходка»... Мы не отказываемся от шефства, но давайте поможем парку всем миром! Распишите, кому и что делать, организуйте нас!

Но не отреагировал никто на предложение горного управления. А в словах горняков есть большой резон. Причем, сами того, возможно, не зная, управленцы советуют решить проблему так, как в свое время ее решили первостроители Магнитки.

Сейчас, когда вспоминают историю Магнитогорска, делают упор на том, какими самозабвенными тружениками были первостроители, и это справедливо. Европа, да что Евро-

па — мир тарачился, как у горы Магнитной будто из-под земли выскакивали домны, мартены, корпуса прокатных цехов. А вот как отдыхали магнитогорцы и где — это освещалось мало.

Жилья путного еще не было, а они решили: быть в степи парку! Неслись крики:

— А не буржуйская ли это штука?

Еще подумали и утвердились, что парк — штука не буржуйская, а вполне демократическая, очень годная как для митингов, так и для массовых гуляний.

И вот на левом берегу Урала была размечена гигантская площадка и был заложен городской центр культуры и отдыха.

Железнодорожники металлургического комбината склепали карманный паровозик, соразмерные ему вагончики и проложили по периметру парка пути.

Строители поставили павильоны, эстраду, здание летнего театра, где не замедлили выступить

Леонид Собинов, балерины школы Айседоры Дункан, Александр Вертинский и многие другие, бывшие знаменитостями или ставшие ими потом.

Тут был зооуголок. Юннаты просвещали любопытных:

— Вот горностаи. Не смотрите, что он маленький. Он очень стремительный и злой. При встрече загрызает всех животных, которых может осилить. Просто так. Из кровожадности.

— Вот змей! — пугался народ. Работали летние кафе, читальные залы, аттракционы. Здесь было ЦАРСТВО ОТДЫХА.

Единственное, чего тут не хватало, — это деревьев. Точнее, карагачи были еще очень малы. И тогда первостроители посадили... железные пальмы. Это были металлические, обернутые кошмой штанги с приваренными листьями из кровельного железа. Они были вызелены.

Листьям, чтобы пошелестеть, нужен был основательный ветер. Но уж если он поднимался...

И вспоминала поэтесса Людмила Татьяничева:

...Давно эти пальмы-временки
Руками сынов снесены.
Деревьям в разросшемся парке
Весною аллеи тесны.
Но, помня о годах былинных,
Мы вспомним и первую сталь,
И то, как мы ждали любимых
В тени металлических пальм.

* * *

— Что ж, — сказал председатель горисполкома Нижнего Тагила В. А. Чердынцев, — раз дело дошло до «Крокодила», несмотря на громаду забот, будем думать, как вернуть наш парк к жизни.

Не только думать, но и делать, Валерий Александрович!

Магнитогорск —
Нижний Тагил — Свердловск.

Рисунок М. ДОМБРОВСКОЙ.

Под таким названием в 22-м номере прошлого года был опубликован фельетон о невнимании со стороны местных Советов и Министерства соцобеспечения Карельской АССР к нуждам инвалидов и участников Великой Отечественной войны, проживающих на острове Валаам.

И вот в редакцию пришел ответ из Совета Министров КАСР, подписанный заместителем председателя В. П. Романовым. В нем признается, что действительно факты, изложенные в фельетоне, «имели место».

Далее в письме сообщается, что крокодильская публикация обсуждена на заседании исполкома Сортавальского горсовета народных депутатов. Исполкому Валаамского поссовета, возглавляемому А. М. Свинцовым, указано на недостаточное внимание к жилищно-бытовым нуждам пенсионеров, участников Великой Отечественной войны. Далее сообщается, что все инвалиды обеспечены дровами, в их домах ремонтируется кровля, что ветерану войны В. М. Маркову выделен аппарат для измерения артериального давления и вскоре будет решен вопрос о его обеспечении ортопедической обувью. За невнимательное отношение к просьбам трудящихся предупреден заместитель министра социального обеспечения Ю. А. Семенов...

Всю эту информацию редакция принимает к сведению. Но вот с чем трудно согласиться.

В письме сообщается следующее: «Исполком Сортавальского горсовета с вводом 70-квартирного жилого дома в 1987 г. рассмотрит вопрос о предоставлении благоустроенной квартиры т. Артуныкину В. Н.»...

И тут позволительно задать вопрос: а почему через сорок два года после окончания войны вопрос о предоставлении нормальных жилищных условий бездомному инвалиду будет еще только рассматриваться? Почему инвалиду войны квартира будет предоставлена не НЕПРЕМЕННО? Значит, това-

рищи из Сортавальского горисполкома и Совета Министров Карельской автономной республики считают, что семидесятилетний большой фронтовик должен продолжать таскать воду и дрова на третий этаж в свою лишенную минимальных удобств каморку? Вероятно, у Совета Министров Карелии достаточно власти, чтобы твердо сказать: проблема жилья для инвалида Артуныкина будет решена в самое ближайшее время (с указанием точного срока). И это будет не только законный, но и гуманный акт.

Разве не должен был после опубликования фельетона «Непарадные портреты» кто-либо из ответственных товарищей посетить Валаам, собрать ветеранов войны, поговорить с ними по душам и точно определить круг проблем? Ничего подобного, увы, не случилось.

Как явствует из новых писем инвалидов и участников Отечественной войны — валаамовцев, ничего на острове практически не изменилось. До сих пор ветераны по вине директора валаамского торгового объединения Хохлова не обеспечиваются производственными заказами по нормам, существующим на Большой земле. Не доставляют на остров и бензин для мототранспорта инвалидов, не решена проблема электропечи и электроплит в их квартирах (ссылки на маломощность островной электростан-

ции вряд ли можно принять во внимание — речь идет о пяти-шести человеках). Наконец, товарищи из Петрозаводска ни словом не обмолвились о судьбе работ ленинградского художника Ю. Кряквина, запечатлевших фронтовиков. Их по-прежнему держат в запасниках. Внимание к старым солдатам не может ограничиваться материальной сферой. Моральный фактор не менее важен. Важен и для ветеранов, и, быть может, еще больше для воспитания молодежи.

Словом, ответ из Петрозаводска заставляет думать прежде всего о желани его авторов поскорее «закрыть» фельетон. Должен их огорчить. Основные проблемы, поднятые в фельетоне, остаются открытыми.

Им. ЛЕВИН.

«НЕПАРАДНЫЕ ПОРТРЕТЫ»

Поражает ответ в редакцию и в отношении ветерана войны А. С. Препоновой. Ей уделено всего полторы строчки: «Она имеет необходимую жилплощадь и обеспечена дровами на зимний период».

Но ведь совсем не о том шла речь в фельетоне.

Овдовев несколько лет назад, А. С. Препопова осталась совершенно одна в деревянном домике, в безлюдном месте, вне поселка. Заболела немолодая женщина — некому позвать врача, растопить печь, просто подать стакан воды. Да и легко ли в ее возрасте колоть дрова, носить ведра, ходить в непогоду и мороз по каменной тропке за продуктами в поселок? Она обращалась в Сортавальский горисполком с просьбой предоставить ей жилплощадь на Большой земле, рядом с людьми. Но не нашел исполком такой возможности. Судя по ответу Совмина Карелии, сделано это правильно. Ведь формально метров квадратных у фронтовички хватает. Но вот какие и где эти метры — никому не интересно. Если бы работники, готовившие ответ, побывали у фронтового шофера, они бы не отделались полтора бездушными строчками о «необходимой жилплощади», а приняли действенные меры.

ПОМНИТЬ

«ПАЧЕМЫШУ» —
30

«Ишь, вцепился! Проходу не дает!», «Глаза б его не видели!» и тому подобные высказывания, которыми награждают «Пачемыш» («Осу») герои его фельетонов, действительно служат для сотрудников марийского сатирического журнала лучшей наградой.

Когда пачемышевед спрашивают, почему журналу дали именно такое название, они рассказывают историю, как один молодой человек решил сделать сюрприз своей девушке и попытался сорвать с одной из многочисленных клумб Йошкар-Олы несколько красных тюльпанов. При этом он был так покусан многочисленными осами, что девушка, увидев ужасенного кавалера, перестала с ним встречаться. Потому что знала: пачемыш жалит только за неблагоприятные дела.

В этом году нашему журналу исполняется 30 лет. Тридцать лет на боевом посту. Тридцать лет борьбы с бракоделами, бюрократами, тунеядцами, пьяницами, любителями нетрудовых доходов и другими разного рода проходимцами. Радеем в эти дни многочисленным поздравлениям друзей, но особую гордость испытываем, когда слышим от вышеуказанных своих постоянных персонажей: «Ишь, разлетелся!», «Глаза б его не видели» и т.п.

Значит, работаем не зря!

П. КРАСНОВ, главный редактор «Пачемыша».

В. ШКАЛИН

ПРЕМИЯ

Рассказ

Федьку Люлякина вызвал начальник цеха.

— Присаживайся!

Люлякин сел.

— Как успехи?

Федька пожал плечами.

— Значит, ты у нас еще не передовик?

Федька замотал головой.

— А если тебе вдруг возьмут и вручат на завтрашнем собрании денежную премию как передовику производства?

— Верну обратно.

— Ишь ты! Как в кино. Молодец!

Начальник некоторое время изумленно смотрел на Люлякина.

— Ответь мне, Федор, а вот, скажем, Иван Тетерин разве не достоин премии?

— Достойн.

— А Просухин?

— Конечно.

— Видишь, они достойны денежного вознаграждения, а

С. ИНДУРСКИЙ

А это
еще
рассказы...

...Федор
ПЕТРОВ

— Черт побери, зачем только приходил ко мне этот молодой человек?!

Из кабинета Федора Николаевича вышел мужчина лет пятидесяти; я столкнулся с ним в дверях. Хорош «молодой человек»! Впрочем, если Петрову вот-вот исполнится девяносто, то для него недавний посетитель и в самом деле юнец. Им оказался корреспондент одного зарубежного агентства печати. Он ставил вопросы и сам же на них отвечал. За исключением последнего. Выглядело это так:

— Уточню. Вы одним из первых стали большевиком, вступили в партию в 1896 году. Вели подпольную работу в старой России. Сидели в тюрьмах, отбывали ссылки. Участвовали в трех революциях. Встречались с Лениным. На протяжении трех десятков лет являетесь бесменным главным редактором нескольких энциклопедий. Профессор. Удостоены звания Героя Социалистического Труда...

— Досье, как видно, не нуждается в коррективах. Что привело вас ко мне, если вы так хорошо знаете мою биографию? — спросил Петров.

— Очень рад, что вы не обнаружили никаких ошибок, — ответил гость. — А привело меня следующее: расскажите, пожалуйста, как вам удалось сохранить столь кипучую энергию, завидную работоспособность и светлую память?

— Поверьте, что у меня нет никаких секретов, — сказал, все больше недоумевая, Федор Николаевич. — Иначе не преминул бы сообщить их нашей Академии медицинских наук.

А теперь, уже обращаясь ко мне, Федор Николаевич спросил, не может ли именно этот эпизод явиться вкладом в коллекцию «редакционных улыбок». Я запротестовал. Напомнил, что он обещал поведать другой эпизод, а уж этот пусть считается сверхплановым.

— Не видите: осваиваю смежную специальность дояра!

Рисунок
Л. АКАЗЕЕВА.

— Другой так другой, — согласился Федор Николаевич.

И вот что он мне рассказал:

— То было в мои студенческие годы. Жил я тогда в Киеве на Библиковом бульваре. Снимал комнату в маленькой мансарде. Хозяин дома — и он этого не скрывал — был мною весьма доволен. Ему нравилось, что я не пью, не курю, все свободное время сижу за книгами.

Но однажды ночью ко мне — хорошему, тихому, нелюдному жильцу — нагрянули жандармы. Они перерыли все книги, вскрыли пол и потолок, вспорили перину. Ничего предосудительного жандармы не обнаружили. А уходить не уходили. Я же был спокоен: они искали нелегальную литературу, печатный станок и все прочее для подпольной типографии. А все это хранилось в другом конце города, на квартире старушки — вдовствующей чиновницы. Мужа ее за что-то уволили со службы, он вскоре умер. Обиженная генеральша возненавидела царское правительство и стала сочувствовать революционерам. Вот у нее-то мы и печатали листовки, прокламации, все, что нужно было.

Вернемся, однако, в мою маленькую мансарду. При обыске не обошлось без курьеза. Жандармы вновь с еще большим остервенением приступили к обыску. Кто-то из них увидел книгу Э. Ренана «Жизнь Иисуса».

— Это хорошо, молодой человек, что вы такие книги читаете. Продолжайте в том же духе, — наставлял меня старший по чину.

Утром хозяин квартиры потребовал, чтобы я немедленно освободил мансарду и не смел больше переступать порога его дома. Пусть жандармы ничего не обнаружили, но уже одно то, что они сюда пришли, нанесло ему моральный ущерб...

Жизнь подпольщика постепенно приучила меня к обыскам, но этот запомнился мне потому, что он был одним из первых, и еще потому, что впоследствии, уже после победы Великого Ок-

тября, хозяин дома потребовал компенсации «за соучастие большевикам». Он разыскал меня по газетной статье, с которой я выступил, и явился в Наркомпрос, где я тогда работал.

— Ваша статья? — спросил он без обиняков. — А то ведь Петровых — пруд пруди.

— Моя.

— Тогда дайте указание, чтобы мне вернули конфискованный дом.

— На каком основании?

— А на том, что я укрывал подпольщика.

Федор Николаевич выдворил наглеца из кабинета. Но еще долго, чуть ли не после каждого своего выступления в печати, получал письма, в которых содержались не то просьба, не то угрозы бывшего домовладельца: де-мол, еще не поздно, опомнитесь...

...Рубен
СИМОНОВ

Вахтанговцам не раз случалось выступать за рубежом. И повсюду — в день или накануне дня поднятия занавеса — устраивались встречи с журналистами.

Легко понять, какой дополнительный груз ложится на плечи художественного руководителя! И хотя такие пресс-конференции не в диковинку, они всегда вызывают волнение: как сложится разговор, удастся ли покорить слушателей (ведь шуткой здесь не отделаешься и от прямого вопроса не уйдешь).

Рубен Николаевич Симонов рассказывал мне об одной такой пресс-конференции. Она состоялась в 1961 году в Париже, когда вахтанговцы участвовали во всемирном театральном фестивале.

— Большое фойе театра Сары Бернар было переполнено. Собралось и около 400 представителей газет, радио, телевидения.

В вопросах недостатка не было. Журналистов интересовали система Станиславского, своеобразие вахтанговской школы, суть социалистического реализма, над чем работают популярные во Франции советские режиссеры и актеры. Я отвечал с увлечением.

И вот, когда, казалось, уже можно было произнести традиционное: «Спасибо за внимание», — какой-то человек, сидевший в третьем ряду, элегантно одетый, на вид лет пятидесяти, с моноклем, тихим голосом сказал на чистом русском языке:

— Я с вами не согласен, господин Симонов. Вы говорите о направлении вахтанговского театра, о гармоническом сочетании содержания с формой, о культуре актера, обладающего безупречной внутренней и внешней техникой, а я считаю, что театр вообще должен быть абстрактным...

— Это вопрос или реплика? — спросил я.

— И то, и другое, — коротко ответил оппонент.

Слово за слово, и я узнал, что инициативу пытался взять в свои руки русский эмигрант, художник-график. Он еще до Великого Октября иллюстрировал Блока. Значит, ему не 50, как мне показалось, а добрых 79 лет. Стреляный воробей! И мне захотелось положить его на обе лопатки.

И началась пикировка. В такие минуты очень важно сохранять спокойствие и призывать на помощь чувство юмора. Судя по реакции зала, мне удалось и то, и другое. От вопроса к вопросу я стал по очкам выигрывать у своего собеседника. И тогда он, судя по всему, пустил в ход последний козырь:

— А знаете ли вы французский театр?

— Знаю, и, как мне кажется, хорошо.

Я заговорил о спектаклях, которые видел в разные годы на французской земле и советских сценах, о встречах с Жаном Виларом, вспомнил о балетах, которые видел в 1960 году в Париже, в Гранд-опера, с талантливыми декорациями Марка Шагала.

— Если вы хвалите декорации Шагала, то начинаете мне нравиться.

— О, когда вы меня узнаете поближе, то окончательно влюбитесь.

Раздались аплодисменты, и дискуссия окончилась.

В день премьеры «Иркутской истории» через несколько лож от моей занял место «старый знакомый А.».

Публика, поначалу настороженная и холодная, все больше добрела от картины к картине, и первый акт завершился бурными аплодисментами. Готов биться об заклад, что в зале не осталось равнодушных!

За исключением господина А.

Посмотрели бы вы, однако, на челоувека с моноклем спустя полтора часа! Он сильнее всех аплодировал и громче всех кричал «браво». А затем пришел за кулисы, жал руки актерам, целовал их и... плакал.

придется всем возвращать премии, если ты, как в кино, инициатором станешь.

— Ладно, тогда я не буду возвращать деньги.

— А совесть?! Ведь ты не достоин премии?

Федька покраснел.

— Я не буду возвращать на собрании. Я верну деньги после, чтобы никто не видел.

— Кому деньги-то вернешь?

— Вам.

— Один на один?

— Один на один.

— А у тебя, Люлякин, голова варит. Пожалуй, пора подумать о твоём повышении.

Ладно, иди работай и скажи Кузину, чтоб зашел ко мне.

С. ВИШНЕВСКИЙ

БАХВАЛЬСТВО

— Вглядитесь,
Какая во мне глубина! —
Гордилась бездонностью
Лужа одна.

Вгляделись —
И впрямь не увидели дна,
Настолько была
Эта Лужа грязна.

НЕ ОДНО И ТО ЖЕ

Как человек
Он почитаем.
А как писатель?
Почитаем...

Перевел Мих. РАСКАТОВ.

ЭКОНОМИЯ

Встретились нос к носу
Паяш и бегущий с электробритвой в колхозное правление Шымай.

— За нарядом? — любобпытствует Паяш.

— Нет. Бриться...

— Так зачем туда? Бритва-то у тебя собственная!

— Зато энергия там казенная.

О ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ

Пригласили нашего старика на почту в День связи. Усадили за стол как

дорогого гостя.

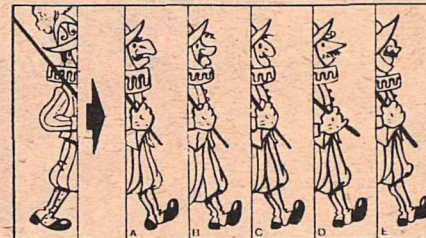
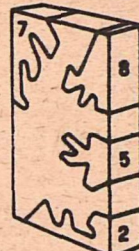
— Паяш-кочай, — говорят, — вы прошли долгий-предолгий путь. Скажите нам, пожалуйста, что такое человеческая жизнь?

— Жизнь, — мягко погладил жидкие усы Паяш, — жизнь, она что твоя телеграмма: больно коротка, а ошибок много!

— Да-а, — вздохнул Синицкий-младший, с нежностью глядя на старую, пожелтевшую фотографию. — Кто теперь поверит в то, что этот изящный молодой человек с нафабранными усами — мой родной прадедушка? Все-таки великая вещь — фотография! Когда-нибудь и правнучка этой юной особы, левой во втором ряду, портрет которой мы продемонстрировали в №1, ахнет: «Неужели?...» Что же касается скульптора, то признаюсь вам, он ахнул уже через неделю: «Неужели, когда я отпиливал от плиты части 2, 5, 7 и 8, я действительно полагал, что увековечиваю свой образ? Явная недооценка!»

Что и говорить, трудно с ними, с творческими личностями. Вечно они то сомневаются сами, то заставляют сомневаться других. Вот, например, режиссер-любитель вроде семь раз отмерил, прежде чем отрезать от пленки фрагмент, изображенный слева, а пойдя ж ты, теперь сомневается, к какому из пяти кадров, обозначенных буквами, он относится. Попробуйте разобраться!

Ну, а теперь, я полагаю, нам пора перейти к более сложному.

РАССКАЗ О ПЯТИ КОЛЛЕКЦИОНЕРАХ

Все пятеро были закадычными друзьями. Каждый из друзей имел свой домик, домики стояли в ряд. По субботам они собирались у гостеприимного Зуева в доме с камином, чтобы поболтать, а заодно и похвастаться новыми экспонатами. И однажды, в самый разгар беседы, в дверь постучали.

— Я много о вас слышал, — смущенно пробормотал молодой человек с блокнотом, — и хотел написать в своей газете о том, чья коллекция собиралась дольше всех. И еще я бы хотел подробнее поговорить с тем, кто собирает марки.

— Пожалуйста! — немедленно откликнулся собиратель задач и ребусов Фалыхов. — Но, уж извините, сначала мы проверим ваши способности к логическому мышлению! Итак, кое-что о себе.

1. Наш хозяин, как вы успели заметить, живет в доме с камином. 2. Яшенко собирает свою коллекцию уже 10 лет. 3. Коллекционер кактусов живет в доме с оранжереей. 4. Дом с оранжереей стоит справа от дома с мезонином. 5. Тот из нас, кто работает инженером, собирает свою коллекцию 15 лет. 6. В доме с двумя почтовыми ящиками живет физик. 6. Собиратель значков живет в среднем доме. 8. Осипов занимает первый дом. 9. Сосед сторожа — коллекционер с семилетним стажем. 10. А вот сосед физика служит своему увлечению уже 12 лет. 11. Поэт любит и собирает открытки. 12. Дмитриев работает пожарным. 13. Осипову принадлежит дом, расположенный рядом с домом, окруженным балконами.

Теперь остается только пояснить, что все дома отличаются друг от друга, их владельцы коллекционируют разные вещи и работают в разных учреждениях, а самая старая коллекция имеет двадцатилетний возраст.

Алексей МАЛИН

ТОЖЕ ЭФФЕКТ

Поспешно речи скроены,
Словесный треск и гром:
Работает ускоренно
Товарищ языком,
Считает говорение
«Эффектом ускорения».

г. Симферополь.

— А теперь посмотри-ка на свое потомство!

Рисунок В. ЯКОВЛЕВА.

ЗАВЕЩАНИЕ БЮРОКРАТА

Заки нури

Когда, дожив свой век, покину вас
Под звон неутраченной капели,
В наследство вам оставлю пару глаз,
Что мимо вас всю жизнь свою смотрели.

Оставлю мой просторный кабинет,
В котором вы не так уж часто были.
Язык оставлю, чтобы слово «нет»
Вы никогда бы впредь не позабыли.

Оставлю руку правую мою,
Что в ярости чиновничьего пыла,
Верша святую миссию свою,
Приказы и решения строчила.

Но пусть живет и левая рука,
Благословенна истиной простою:

Раз подхалим не выведен пока,
Ей не бывать ненужной и пустою.

Оставлю ноги — каждая важна! —
Пойти на праздник или ужин частный.
И только голова вам не нужна —
Я ею сам не пользовался часто.

Оставлю уши, чтобы слышать лесть
От дурака, что рядом суетится,
И кресло, чтоб свою возвысить честь,
Оно еще кому-то пригодится.

Не торопитесь говорить мне: «Нет!»
Не принимаю заявлений устных.
Пишите! И получите ответ:
«Святое место не бывает пусто!»

Перевел с татарского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

САЖИДИН

ЖЕРТВА ОСЛАВЫ

Сто раз —
Если гость
В его саклю вошел —
Он миску с бараниной
Ставил на стол.
И только однажды,
Краснея слегка,
Поднес кунаку он
Стакан молока.
С тех пор — пересуды
(Аул языкаст):
— Да вам и воды
Этот скряга не даст!..

Перевел с лезгинского
Борис ГАЙКОВИЧ.

ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО...

Рухнула ее величество
«Столичная»!
Бутылка — двигатель прогресса —
стоит нераспечатанной у леса,
Стоят составы, ждут толчка,
горит команда без очка,
и я без рюмки хлеб свой ем...
О годы допинга!

А что взамен?
Рухнула ее величество
«Столичная»!
Бутылка вдребезги разбита,
Землей и Небом на траве распита,
как говорят, на посошок...
Все, земляки... Все будет хорошо.

Юрий БЛАГОВ

ЕЩЕ О ЖЕНСТВЕННОСТИ

Отрекся пол прекрасный
От слабости своей,
Теперь ему подвластны
И космос, и хоккей.

И мода, прямо скажем,
Пошла «под мужика»:
В плечах — косая сажень,
А в бедрах — два вершка.

ЛИРИКУ Н.

Не заносись, коллега, высоко,
У каждого поэта дар особый:
Разжалобить читателя легко,
А ты развеселить его попробуй!

СОВЕТ ПОДЧИНЕННОМУ

Когда начальству что-нибудь
Ты подарить решишь украдкой,
О меркантильности забудь,
Не то подарок станет взяткой.

Януш ОСЕНКА

НЕВЕЗУЧИЙ

Можно сказать, что все в жизни у меня движется со скрипом. Сплошные провалы и невезение.

Выступая на собрании, я сразу начинаю заикаться, теряю мысль и в результате плету вздор.

Напишу стихи—отсутствие таланта бьет из них фонтаном.

Сочиняю киносценарий—сногшибательный бред. Действие ни к черту, сюжетные нити рвутся, содержание—полная ахинея, диалоги—не выговоришь. Скука!

Состряпаю повесть—стопроцентная графомания, никто не в состоянии прочитать больше двух страниц, рецензенты смеются в кулак за моей спиной.

Сыграл на днях в спортлото, не угадал ни одного номера.

Записался в жилищно-строительный кооператив—из года в год меня отодвигают в самый конец очереди.

Стал отцом ребенка—он похож на кого угодно, кроме меня.

Взялся с горя разводить шампиньоны—получилась одна гниль и плесень.

Построил дачу—ее залили подпочвенные воды.

Отправился развеяться в высокогорную экспедицию, еще у подножия горы испытал приступ головокружения.

Пошел на курсы танцев—во вре-

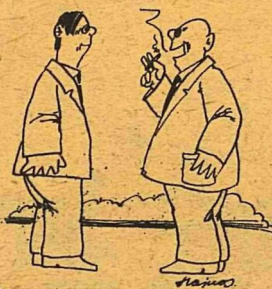
мя первого же па сломал себе ногу.

На собачьей выставке мой якобы породистый пес не получил медали даже среди дворняжек.

Все это можно было бы посчитать фатальным невезением, если бы не один козырь.

Мне все сочувствуют. Я вызываю живую симпатию окружающих. Меня ценят, уважают, поддерживают, и я могу смело сказать, что пользуюсь такой всеобщей любовью, на которую не может рассчитывать даже самый удачливый человек.

Авторизованный перевод
Н. ЛАБКОВСКОГО.

— Ваше изобретение очень хорошее, но оно было бы еще лучше, если бы это изобрел я.

Рисунок М. ХАЙНОСА.

«ШПИЛЬКИ»,
Польша.

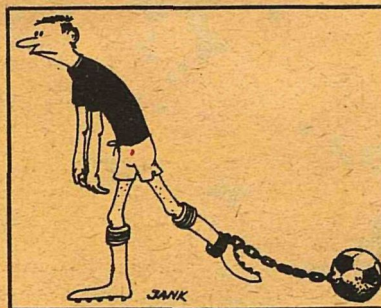

Рисунок А. ЯНКОВСКОГО.

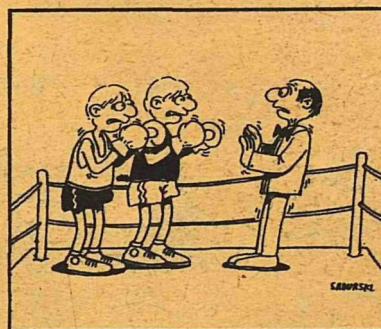

Рисунок С. САДУРСКОГО.

Клаус-Юрген ЦЕРФУКЕР

ИЗ СТАРОГЕРМАНСКОЙ ПОЭЗИИ

ЛЕНТЯЮ

На небесах душа его
Вкушает ныне благодать.
Бедняга умер оттого,
Что стало лень ему дышать.

РАССЕЯННОМУ

Покойный в рай определен,
По слухам. Слава богу!
Не перепутал только б он
В последний раз дорогу.

Перевел с немецкого Сергей САТИН.

Слова, слова...

Каким бессодержательным становится человек,
когда он выходит из себя!

Из книги «Как стать содержательным человеком».

То, что ни в какие ворота не лезет, нередко
просачивается через черный ход.

Вздых директора карфагенского книгоиздательства «Папирус».

Труднее всего понимать с полуслова афоризмы.
Зато их проще всего дочитать до конца.

Ив Нюк, французский юморист.

Редактор — литсотруднику:

— Эту статью следует сократить на 200 строк.

— Но в ней всего 200 строк!

— Именно их я и имею в виду!

Одного сенатора спросили, какие качества политика он считает самыми необходимыми. Сенатор ответил:

— Способность предсказать, что произойдет завтра, через месяц, через год, а потом объяснить, почему этого не произошло.

Продавец — покупательнице:

— Мадемуазель, за три часа вы перемерили семнадцать платьев.

— Да, мсье. Но учитывая их цену, для меня это единственная возможность их поносить.

В переполненном автобусе дама, простоявшая в тесноте уже добрых полчаса, обращается к сидящему господину:

— Будьте добры, встаньте!

— Ну уж нет! Знаю я эти штучки: стоит мне встать, как вы тут же сядете на мое место!

— Каждое утро звонок будильника на меня действует, как выстрел.

— И ты тотчас же вскакиваешь?

— Нет. Лежу, как убитый.

Посетитель — официанту:

— Позвольте, а почему вы взяли с меня 15 марок вместо 13 по счету?

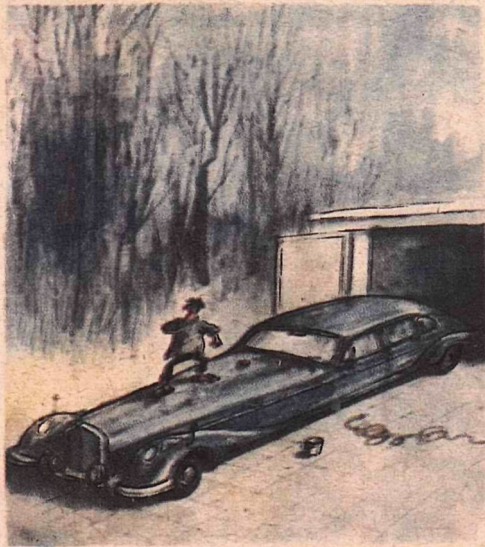
— Простите, я подумал, что вы суеверны...

Врач после осмотра артиста цирка — шпагоглотателя:

— Вы должны соблюдать диету. Забудьте о саблях, шпагах и штыках. В лучшем случае можно позволить себе ножички для чистки фруктов.

— Я слышал, что во время обеда жена читает тебе книги. Это правда?

— Видишь ли, она читает мне кулинарную книгу, чтобы я точно знал, что она приготовила на обед.

«Дикобраз», ЧССР.

КРОКОДИЛ

№ 3 (2553)
январь 1987

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
Ю. Б. БОРИН,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),

А. Б. ГОЛУБ,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),

В. В. ПЕСКОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),

Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРАНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора),
С. С. ШАТАЛИН.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, С. Веткин, Е. Гуров, М. Домбровская, А. Ковальчук, В. Мохов, В. Полухин, Р. Самойлов, В. Тильман.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес:
101455, ГСП,
МОСКВА, А-137,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86; 212-21-73.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 19.12.86.
Подписано к печати 26.12.86.
А 02085.

Формат бумаги 70×108¹/₈.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5300000 экз.
(1-й завод: 1—3150283).
Изд. № 50. Зак. № 4291.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС «Правда», 1987 г.

15

9 ЯНВ 1987

КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1987 г.

3541-*me*

ВСЕСОЮЗНАЯ
орд. „ЗНАК ПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1987 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ